

о свекре до последнего его вздоха, кормила-поила-обстирывала и каждое воскресенье безропотно накрывала обеды для обеих семей, пока Нэнси выпендривалась, наряжалась в леопардовые пальто на красной атласной подкладке и грезила о шикарной жизни на Мейн-Лайн в окружении слуг и служанок. Джо носила простое драповое пальто, сама шила себе одежду и шторы на окна, зато Нэнси шастала к портнихе, заказывала портьеры в «Уонамейкере» и разъезжала на кобальтовом «паккарде».

Когда фирма стала преуспевать, Джо продолжила экономить, а Нэнси начала транжирить. Джо по-прежнему носила свое простое золотое обручальное кольцо, а Нэнси пошла в гору. Зубцы ее помолвочного кольца расширили, чтобы место скромного четвертькаратного брильянтика мог занять сверкающий брильянтище в три с половиной карата. Изящную золотую цепочку на шею Нэнси сменила толстая, как лапша *napardelle*, цепь, а на ней болтался новый роскошный медальон, которому позавидовал бы сам папа римский.

Джо хозяйствовала по старинке, храня традиции своей сицилийской семьи. Она с удовольствием сидела дома и нянчилась с мальчиками Нэнси наравне со своими собственными, а Нэнси в новенькой шляпке от «Мистера Джона» уезжала в город и прохлаждалась на вечеринках, где более-менее итальянскими, кроме нее самой, были разве что кружева на скатерти. Нэнси лезла наверх, и вскарабкалась она туда прямо по добросердечной Джо, оставив после себя синяки и ссадины. Дом встал на защиту Джо, а Майк вступился за Нэнси.

Дом и Майк настолько ожесточились друг против друга, что выплеснули свой раздор на улицу, чего не делала ни одна итальянская семья с тех пор, когда Ромул и Рем называли волчицу мамой; о скандале прознала вся округа. Доброхоты-наблюдатели не преминули подлить маслица в огонь, разжигая распрю сплетнями и напраслиной, и трещина становилась все глубже.

Правда обросла шипами кривды и превратилась в разрушительный стенобитный шар, начисто разобщивший два семейства.

Каждый итальянец знает: если подливка подгорела, то уже ничто не поможет. Единственный выход — вылить ее, выскоб-

лить до капли, выбросить вместе с горшком. Доминик и Майк выбросили друг друга окончательно и бесповоротно.

Семейные разлады не были внове в Южной Филадельфии. Району Саут-Филли всего досталось вдвое, так что он был приспособлен к любому семейному разрыву. Семья могла расколоться и выжить, заселив полдома в новом особняке для двух семей, платить десятину другой церкви, отправить детей в другую школу и даже стричься в конкурирующих парикмахерских, чтобы никак не пересекаться. Жизнь могла себе течь своим чередом, вполне нормально, если считать нормальным состояние многолетней вражды между кровной родней.

*Vincit qui patitur**.

Майк и Дом зажили на соседних улицах, не знаясь друг с другом, и жены их тоже не общались. Их дети — крошечное мальчишечье войско — поначалу были озадачены разрывом между командованием двух семейств, но быстренько усвоили, что лучше отказаться от всякой связи с кузенами, чтобы угодить родителям. Раз уж кузенов угораздило оказаться по ту сторону, то не стоит сердить тех, чье расположение гораздо ценнее. Годы спустя ядовитый цветок распустился и в душах новых членов семей, юных новобрачных, которые восприняли семейную вражду как часть клятвы верности и доказательство любви к своим молодым мужьям. Муж и жена — одна сатана.

Разрыв, похоже, не слишком тревожил Дома и Майка, несмотря на то что их осталось всего двое на белом свете — тех, кто помнил Неаполь пасмурным утром 29 апреля 1901 года. Тогда двенадцатилетний Доменико и одиннадцатилетний Микеле стояли рядышком на борту корабля, который должен был доставить их в Америку, к отцу, эмигрировавшему в Филадельфию и работавшему сварщиком на военно-морской верфи. Их мать скоропостижно скончалась от лихорадки, и ни у кого из родственников в Авелино не нашлось ни места, чтобы приютить их, ни средств, чтобы о них заботиться. Так что отец оплатил путешествие сыновей через океан.

Мальчишки отчаянно тосковали по матери. Они были убиты горем и напуганы. Цепляясь друг за друга, братья крепко держались

* Побеждает терпеливый (*лат.*).

за руки (чего не делали с тех пор, как одному исполнилось три, а второму — четыре) на палубе «Арджентинии», сказав последнее *arrivederci** родному дому и даже не представляя, что ждет их впереди. Только Дом будет знать, что Майк плакал у него на плече, и только Майк будет знать, что Дом прошептал: *Non ti lascerò mai***.

Может, Дом и поклялся никогда не покидать брата, но все разом позабылось годы спустя, когда один брат решил, что другой брат обжужливает его с клочком земли, которому грош цена в базарный день и который никому из них даром не был бы нужен, если бы отец не завещал его Майку, то ли бездушно предпочтя одного сына другому, то ли по совершенно иной, ему одному известной причине.

Их отец Доменико Микеле Палаццини был талантливым слесарем-монтажником, а еще он был игроком и всю свою жизнь превратил в соревнование, на которое мог сделать ставку, побиться об заклад. Особое удовольствие он получал, стравливая сыновей между собой. Лишенный мягкого воздействия жены, он был настоящим задирой и громилой, и сыновья знали, что выжить рядом с ним можно, только угождая ему.

После смерти старика всем правило золото, а Дом и Майк стали его верными вассалами. Дом не желал вспоминать об отце, а Майк хотел занять отцовское место. Их королевство, включая процветающее дело — такси и весьма скромную недвижимость, теперь было разделено пополам, как выигрыш в покере.

Братья усвоили, что половина чего-то прекрасного — это лишь половина, но озлобление их было таким глубоким, что мешало тужить об утраченном. Они жили через улицу друг от друга — достаточно близко, чтобы Майк мог унюхать аромат воскресной подливки Джо, а Дом — услышать пение Синатры из колонок первоклассного проигрывателя Майка в предраассветный час, но достаточно далеко, чтобы не позволить гневу вспалить честолюбие и попытаться одержать победу над врагом. Долгих шестнадцать лет прошло, но рана была все еще свежа.

*Alea iacta est****.

* До свидания (*ит.*).

** Я никогда тебя не покину (*ит.*).

*** Жребий брошен (*лат.*).

АКТ I

Тот забракован, кто вступает в брак!

*У. Шекспир. Все хорошо, что хорошо кончается**

* Акт 2. Сцена 3. Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.